

Карстен Роде - уроженец Дитмаршена, крестьянской республики, образовавшейся в XIII веке и просуществовавшей до 1559 года в западной провинции Голштинии, между реками Эйдер и Эльба, в их нижнем течении. Купец и капитан собственного судна Роде вел торговлю с Любеком, но потом занялся более выгодным промыслом, сделавшись морским разбойником.

Сначала молодой Карстен состоял капером датского короля **Фредерика II**, удачно действуя на Балтийском море против шведов. О его делах на службе у Фредерика мне найти информацию пока не удалось, однако известно, что вскоре Роде перешел на службу к герцогу

Магнусу

, (который доводился братом Фредерику II), а фактически - под покровительство царя **Иоанна IV Грозного**

. Дело в том, что Магнус - правитель Курляндии и Эзеля - был верным союзником Иоанна, поскольку лелеял надежду получить из рук московского царя титул Короля Лифляндского. Собственно, в политических пристрастиях, если таковые у Роде и были, ничего не изменилось, ибо и Дания, и Московия постоянно соперничали с крепнущей Швецией в борьбе за господство в Балтике.

Свое судно - [пинк](#), трехмачтовое грузовое судно водоизмещением 40 тонн - Роде снаряжал во владениях герцога Магнуса. Герцог приказал воинским начальникам помогать Роде. Именно они доставили ему судно, а во владениях герцога Магнуса он на вербовал 35 человек команды, вооружил корабль тремя литыми чугунными пушками, десятью меньшими орудиями - барсами - восемью пищальями и "двумя боевыми кирками для пролома бортов"

. Все это - из арсеналов крепости Аренсбург.

Грозный выдал Карстену Роде охранную грамоту, в которой в частности, говорилось *"...с илой врагов взять, а корабли их огнем и мечом сыскать, зацеплять и истреблять согласно нашего величества грамоты... А нашим воеводам и приказным людям, того атамана Карстена Роде и его скиперов, товарищей и помощников в наших пристанищах на море и на земле в береженье и в чести держать"*.

Согласно договоренности, Роде имел право на десять процентов добычи и обязан был продавать захваченные суда и товары в русских портах. Пленных, которых можно было обменять или получить за них выкуп, он также обязался *"сдавать в портах дьякам и*

иным приказным людям"

Экипаж русского капера права на добычу не имел, а получал
"твердое жалование"

в размере шести гульденов в месяц. Роде в тех грамотах звался
"царским атаманом и военачальником"

, впрочем, сам он предпочитал называть себя
"русским адмиралом".

Покончив с приготовлениями, в июне 1570 года Роде вышел в море. Пинк почти сразу же дал течь, и пришлось непрерывно вычерпывать из него воду, и тем не менее "русские корсары" вскоре открыли свой боевой счет. Возле острова Борнхольм они взяли на abordаж одномачтовый буер, шедший с грузом соли и сельди. Захваченный буер вооружили, и часть команды пинка под началом самого Роде перешла на него, сам же пинк он поручил команде одного из своих лейтенантов.

Сбыв добычу на Борнхольме, где в гавани суда Роде стояли бок о бок с датскими военными кораблями, "русские корсары" починили пинк и снова вышли в море, уже на двух судах. Буер и пинк разошлись в разные стороны в поисках добычи, и, когда через восемь дней они вновь встретились в порту Борнхольма, каждый из капитанов привел по захваченному судну. Пинк захватил еще один буер с грузом ржи и отборных дубовых досок, а буер под командой Роде конвоировал взятый на abordаж большой корабль водоизмещением 160 тонн.

Здесь же, на Борнхольме, Роде прикупил у одного любекского купца восемь пушек и вооружил ими захваченный корабль, ставший флагманом его флотилии. Там же корсар принял на службу десяток борнхольмцев и нескольких датчан. Власти острова, бывшего в то время местом стоянки многих пиратских судов - этакой "балтийской Тортугой", встречали гостей, подобных Роде, всегда радушно, а датский адмирал, командовавший флотилией, базировавшейся на Борнхольме, считал *"корсаров царя Ивана"* союзниками и даже снабжал их лоциями и картами. Но вот добычу "русский адмирал" предпочитал отправлять, вопреки договору, в Копенгаген, где продавал и товары и корабли.

В середине лета Роде, командуя эскадрой из трех судов, оснащенных 33 пушками, напал на ганзейскую купеческую флотилию из пяти судов, шедшую с грузом ржи из Гданьска. На сей раз легкой победы не было. Хорошо вооруженная флотилия решила отбиваться. Разгорелось настоящее морское сражение, которое закончилось полной победой Роде: из пяти купцов спастись удалось только одному пинку.

Вскоре эскадра Роде атаковала уже большой караван купеческих судов с грузом ржи, шедший из Гданьска. Из семнадцати кораблей, направлявшихся в Немецкое море, в порты Нидерландов и Фрисландии, ни один не ушел от Роде. Когда 31 июля 1570 года в Гданьске узнали о захвате каравана, срочно собрался Совет города и постановил: начать немедленную подготовку специальной экспедиции против Роде.

Польские корабли, выйдя из Гданьска, направились к Борнхольму, основной стоянке "русских корсаров". Когда остров показался на горизонте, навстречу польской эскадре вышел датский флот, базировавшийся на Борнхольме. Шедший на флагмане датский адмирал приказал сигналами запросить поляков, что им надо. Две флотилии сошлись в море, и адмиралы съехались в лодках для переговоров. Датский адмирал подтвердил, что суда Роде были в порту Борнхольма, но накануне, спешно снявшись с якоря, ушли, взяв курс на Копенгаген. Польский адмирал заявил о данном ему приказе преследовать Роде. Датчанин не только с этим согласился, но и вызвался эскортировать своей флотилией польские суда *"во избежание недоразумений в территориальных водах Дании"*.

Мир в то время был хрупок, поэтому такая мера предосторожности не показалась полякам излишней.

Когда эскадры оказались в непосредственной близости от гавани Копенгагена, то адмирал-датчанин внезапно приказал открыть огонь из всех орудий по полякам, буквально загнав их огнем в порт датской столицы. Здесь польские суда, как принадлежащие союзнику шведов (а со Швецией Дания воевала), были немедленно арестованы. Сидевшие под арестом поляки в бессильной злобе узнали о том, как несколько дней спустя в порт вошли два корабля из эскадры Роде, нагруженные лучшими товарами.

Маневр датского адмирала, как оказалось, был согласован с Роде: пока поляки шли по его следу, он спокойно отсиживался в гавани Борнхольма и, лишь узнав о крахе экспедиции, охотившейся за ним, прибыл в Копенгаген, чтобы продать добычу, погулять и насладиться унижением своих врагов.

Флотилия Роде постепенно усиливалась, и к сентябрю 1570 года под его командой было уже шесть вооруженных судов с полностью укомплектованными экипажами. Дерзость корсара, стремительный рост его сил не на шутку обеспокоили шведскую корону. Против "московитских пиратов" повели настоящую охоту, пытаясь загнать их в ловушку и уничтожить. Шведам даже удалось настичь флотилию Роде и потопить несколько его судов, но "московиты" прорвались к Копенгагену и укрылись в его порту под защитой пушек короля Дании.

Неприятности у "русского адмирала" начались с совершеннейшего пустяка, с событий, никакого отношения к нему, в общем-то, не имевших. Как-то раз к берегу датского острова Горе, возле Готланда, пристал швербот с десятком шведских пиратов, заплутавших в тумане. Шведы думали, что высадились на шведской территории, на острове Оленд, и ошибку свою осознали лишь после того, как, предъявив местным властям каперское свидетельство, выданное шведской короной, в ответ услышали, что они находятся на датской территории, а потому арестованы. Посадив экипаж швербота под замок, комендант острова Горе отправил двух офицеров, командовавших шведами, на Борнхольм в распоряжение тамошнего наместника.

В то время на Борнхольме стоял пинк "Der Haze" ("Заяц") из флотилии Карстена Роде под командованием капитана **Клауса Гозе**. С этим судном вышло "досадное недоразумение". Когда судно Гозе рыскало по морю в поисках "купчишек", на него наткнулся корабль датского военного флота под командой капитана

Иоахима Нифунда

. Невзирая на каперское свидетельство, выданное русским царем, Нифунд высадил на борт "Зайца" часть своей команды, а капитана Гозе и его людей запер в трюм и отконвоировал пинк на Борнхольм. Здесь борнхольмский наместник и адмирал датской флотилии "восстановили справедливость", распорядившись освободить людей Гозе, вернуть пинк со всем его имуществом.

Казалось бы, инцидент исчерпан. Но обозленный капитан Клаус Гозе, которого продержали в вонючем трюме почти две недели, вознамерился отправиться в Копенгаген с жалобой на Нифунда. Этой оказией и решили воспользоваться, чтобы отправить в столицу пленных. "Шведских коллег" доставили на борт закованными в кандалы и разместили на верхней палубе. Вскоре пинк, снявшись с якоря, вышел в море.

Долго не удавалось поймать попутный ветер, и "Заяц" несколько дней лавировал в море. За это время шведский капитан **Якоб Швенцке** и его лейтенант **Мау Бернедес** составили заговор, втянув в него еще одного шведского пленника, захваченного пиратами раньше.

Шведы уже знали, что вечером капитан Гозе и его лейтенант Шуце ложатся спать в каюте на верхней палубе, на юте пинка, а чуть позже шел спать боцман, так что ночью на палубе оставались лишь вахтенные и штурман. Выждав, когда, кроме вахтенных и штурмана, на верхней палубе никого не осталось, шведы, сумев снять цепи, внезапно напали на членов экипажа пинка, действуя тем, что под руку подвернулось: плотницким топором зарубили штурмана, рулевому проломил череп багром, а третьего, вахтенного, кинули за борт. Потом они бросились в капитанскую каюту, где Швенцке кортиком ранил Гозе в грудь и плечо, а Бернедес с третьим участником заговора одолели лейтенанта Шуце. Вооружившись найденным в каюте оружием, шведы загнали команду пинка под палубу и задраили люки. Раненых офицеров заперли в каюте, а чтобы Гозе и Шуце не попытались повторить их номер, они забили клиньями дверь и вплотную к ней придвинули две заряженные пушки "барс". Не прошло и часа, как шведы стали хозяевами на корабле.

Сначала они решили плыть в Швецию, но этому не благоприятствовал ветер. На третий день крепкий норд-ост пригнал "Зайца" к берегам Померании. Они вошли в Трептовскую гавань, где заявили властям о случившемся с ними. Именем герцога Штеттинского и Померанского весь пиратский экипаж пинка "Заяц" (восемь человек) был объявлен арестованным. На пинке оказались восемь больших и средних пушек "барс", пять больших пищалей, порох, ядра и прочее боевое снаряжение.

Дело экипажа пинка "Заяц" разбиралось в городском суде Штеттина. После того как пираты признались, что они подчинены адмиралу Роде, была созвана международная комиссия для решения "вопроса Роде". В Померанию съехались представители Швеции, Франции, Польши, Дании, Саксонии, города Любека... В это же время - 15 декабря 1570 года - начались переговоры между Данией и Швецией, на которых среди прочего речь шла и о пиратстве. Арест "*русских пиратов*" Роде, пользовавшегося покровительством датской короны и получавшего вооружение от брата датского короля, давал крупный козырь в руки шведским дипломатам.

Комиссары Любека и Дании поспешили заявить, что *"московитским корсарам"* помогали лишь отдельные чиновники, как, например, наместник датской короны на Борнхольме Киттинг, коим двигали *"своекорыстные интересы"*.

А приют кораблям Роде они давали лишь потому, что не могут, дескать, следить за всеми судами, входящими в гавань Копенгагена. Роде же туда прибывал *"как добрый купец, привозивший хорошие товары"*

. Датские представители клялись, что наместник Киттинг будет наказан за своеволие, а против пиратов они поведут самую беспощадную борьбу.

И действительно, к тому моменту, когда в Штеттине начался суд, Карстен Роде по приказу датского короля Фредерика уже находился в датской тюрьме. Поспешность действий объяснялась не столько политическими, сколько экономическими соображениями: Роде во всю развернулся и начал захватывать корабли в датских водах, отпугивая купцов, шедших в Копенгаген, чем вредил торговым интересам уже датской короны. А к таким вещам монархи всех стран относились крайне негативно.

Вот как разворачивались события. В октябре 1570 года Роде со своими кораблями в очередной раз зашел в гавань Копенгагена, стремясь укрыться от преследовавших его шведов. Ему позволили сойти на берег и в одном из копенгагенских кабачков арестовали. Затем спешно отправили из города в глубь страны, в замок Галль, где арестанта круглосуточно стерег усиленный караул. Всякое сношение с внешним миром для Карстена Роде запрещалось, но содержали его, тем не менее, "с почетом": поселили в приличной комнате замка, хорошо кормили.

Столь необычное отношение к узнику со стороны датских властей объяснялось крайне запутанной ситуацией, сложившейся вокруг Роде. Многие страны требовали, чтобы с ним поступили, как подобает поступать с пиратом. Но с другой стороны, он был капер и официальный воинский начальник русского царя, жесткий нрав которого хорошо знали в Европе. Лавируя меж двух огней, король Фредерик, взяв Роде под арест, содержал его в почетной неволе, хотя людей, захваченных на судах флотилии Роде, выдал шведам.

Одновременно король писал письма Иоанну Грозному, в которых объяснял, что арестовал *"капера вашего царского величества, поелику тот стал имать корабли в датских водах, в Копенгаген с товарами через Зунды идущие"* . В ответ

московский царь писал, что он ничего такого своему

"немчину-корабельщику"

не поручал, а велел ему только нападать на корабли врагов его: литовского короля

Ягайлы

и короля швейского. Царь предлагал отправить Роде к нему, чтобы

"о всем здесь с него сыскав, о том тебе после отписал бы"

. Но Фредерик на это не пошел. Переписка все продолжалась и продолжалась, а Роде все сидел и сидел.

Летом 1573 года король Фредерик лично посетил замок Галль и распорядился перевести Роде в Копенгаген. В столице условия содержания арестанта значительно смягчили: он мог жить на частной квартире на собственный счет, находясь под надзором властей и не имея права покинуть город. Более того, своим указом Фредерик объявил Роде, что тот будет немедленно освобожден, если уплатит *"компенсацию короне"* - тысячу талеров. Деньги у Роде должны были водиться: по документам значилось, что он успел захватить 22 корабля, перевозивших товары на сумму в полмиллиона ефимков. Но, уповая на заступничество царя Иоанна, Роде платить отказывался.

Известно, что он пробыл в плену еще три года. Об этом можно судить по письму русского царя к Фредерику, присланному в Копенгаген в 1576 году, видимо, после того, как до Москвы дошла просьба о помощи от самого Роде. Как в свое время Роде не спешил выполнять пункты договора с русским царем, так и царь Иоанн не очень усердствовал с вызволением Роде из плена.

После 1576 года никаких сведений о Карстене Роде нет. Дело это на долгие столетия осело в сундуках датского королевского архива и явилось на свет божий вновь, когда во второй половине XIX века русские ученые были допущены в датские хранилища. Именно тогда рассказ о "подвигах" пирата опубликовали некоторые русские исторические журналы и газеты. Сегодня историю Роде приходится открывать заново.

Источник:

по материалам В.Ярхо "Датский адмирал русских пиратов" (Наука и жизнь" №12, 2003 г.)